

В.Г.Дидковская

ЮРЬЕВСКОЕ ЕВАНГЕЛИЕ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Автор статьи обобщает результаты изучения текста одного из древнейших памятников древнерусского языка — Юрьевского Евангелия, характеризует основные направления и общую проблематику исследований его текста в трудах историков русского языка, обосновывает необходимость и новые возможности его анализа в языковом и текстологическом аспектах. По мнению автора, грамматическая и лексическая системы этого памятника нуждаются в отдельном изучении и подробном описании, что позволит не только подтвердить его уникальность среди других древнерусских евангелий, но и получить новые данные для изучения истории языковых трансформаций евангельских текстов в Древней Руси.

Ключевые слова: история языка, лингвотипологический метод, графико-орфографическая система, перевод, текстология

Юрьевское евангелие своим названием связано с Юрьевым монастырем, на что указывает выходная запись писца, открытая И.И. Срезневским: «Азь грешный Федоръ нап(и)сахъ Еуа(нгелие) се рукою грешною с(вя)тому м(учении)ку Георгеви въ манастирь Новугороду при Курияце игумене и Саве икономе. Угринаць п(и)салъ» [1]. В некоторых исследованиях Евангелия указывается, что оно было написано для главного собора монастыря — Георгиевского. Книга и церковь оказываются совмещены пространственно, добавим — и хронологически: именно время строительства Георгиевского собора становится основанием для датировки Евангелия — 1119—1128 г.: из Первой Новгородской летописи известно о начале строительства каменного собора монастыря в 1119 г., там же приведена и дата смерти игумена Кириака — 1128 г. Оно хранилось в Юрьевом монастыре до 1661 г.

Юрьевское Евангелие (ЮЕ) является третьим по древности и значению после Мстиславова (МстЕ) и Остромирова (ОЕ) Евангелий датированным древнерусским памятником, связанным с Великим Новгородом. Сопоставительное изучение их текстов (а также других памятников того же типа) позволило исследователям сделать вывод об особом месте и даже уникальности ЮЕ среди древнерусских евангелий [2]. Несмотря на то, что рукопись была введена в научный оборот в 60—70-е г. XIX в., многие вопросы, связанные с ее языковыми и текстологическими особенностями, локализацией, художественным оформлением, и спустя более ста лет остаются дискуссионными.

Значение ЮЕ для отечественной науки определил его первый исследователь, архимандрит Амфилохий (Сергиевский-Казанцев), бывший в 1858—1860 годах настоятелем Ново-Иерусалимского монастыря. В 1661 году Евангелие было передано в этот монастырь патриархом Никоном, о чём свидетельствует вкладная надпись с 1 по 16 страницу рукописи: «лета 7169 (1661) сию книгу положил в дом святого живоносного Господа Бога нашего и Спаса Иисуса Христа Нового Иерусалима смиренный Никон, Божиею милостию патриарх, а кто восхощет ю усвоити, якоже Ахаръ сын Хармиев, или угаитъ, якоже Анания и Сапфира, да отымет от него Господь Бог святую свою милость и да затворит двери святых щедрот своих и да придет на него неблагословение и клятва и казнь Божия душевная и телесная в нынешнем веке и в будущем вечная мука, а кто сие писание каким злым умыслением испишет от книги сия, да испишет имя его Господь от книги животныя».

Архимандрит Амфилохий описал и сравнил ЮЕ с другими древнеславянскими рукописями Воскресенской Ново-Иерусалимской библиотеки. Издание своего труда он посвятил акад. И.И.Срезневскому, и в этом посвящении почти предсказал будущую научную судьбу памятника: «Его превосходительству ординарному академику Измаилу Ивановичу Срезневскому, первому открывшему химически запись этого замечательнейшего памятника нашей древнейшей письменности, назвавшему на основании ея: Юрьевским Евангелием 1118-28 года и давшего добрый совет серьезно его исследовать посвящает глубоко-признательный Архимандрит Амфилохий».

Этому совету последовал в первую очередь сам Амфилохий, который не только описал композиционные и лексические особенности ЮЕ, но и определил самый продуктивный способ исследования его текста, положивший начало лингвотипологическому методу описания древних рукописей: он сравнил его с другими древними евангелиями из монастырской библиотеки (отдельно упомянув евангелие, написанное «в 1468 г. в Новгороде хлебным ключником св. архиепископа Ионы»), а также с ОЕ. Он первым указал на его текстологическое и (частично) языковое своеобразие и подчеркнул особое положение в кругу родственных рукописей: «<...> сие Евангелие есть драгоценнейшее между нашими памятниками древней письменности, о чем можно судить и по выпискам чтений Евангельских, здесь напечатанных с разночтениями, и по сличению его с Остромировым Евангелием и другими Евангелиями Воскресенской Ново-Иерусалимской Библиотеки, и по Словарю в конце приложенному» [3-5].

Архимандрит Амфилохий отмечает связь этого Евангелия с еще одним памятником — с МстЕ, вновь подчеркивая его значимость для исследования древних евангельских текстов: «Покойный К.И.Невоструев получив сие Евангелие в 1860-м году для своих занятий по Мстиславову Евангелию так лично мне отозвался о нем: «Евангелие сие так важно, что мне весь свой труд по Мстиславову Евангелию надо переделать» [3].

Наблюдения над составом и порядком расположения зачальных текстов, над их лексическим составом позволило Амфилохию сделать вывод о существовании разных типов евангелий в Древней Руси, хотя выделенные им группы отличаются от их современной типологии. Так, он полагал, что в Новгороде существовали две редакции евангелий: к первой он отнес ОЕ и МстЕ, которое, как считал Амфилохий, списано с ОЕ, а второй «держались» писцы ЮЕ. Он описал лексические, структурные и текстовые различия ЮЕ и ОЕ, что согласуется с более поздними типологиями евангельских рукописей, в которых эти два евангелия отнесены к разным типам древнерусских богослужебных Евангелий.

Отметим, что Амфилохий предпринял не только сличение ЮЕ с другими древними новгородскими евангелиями, но и сопоставил его с текстом печатного Евангелия 1856 г. Он подчеркнул близость состава его чтений к современному их составу, отметив, что некоторые исправления в современном тексте соотносятся с ЮЕ, привел вставки, пропуски, ошибки, лексические замены в его тексте.

Этот принцип параллельного изучения рукописей одного и того же содержания был использован в исследованиях ученых XIX в. Г.А.Воскресенского, М.Н.Сперанского, И.Е.Евсеева, В.А.Погорелова, А.В.Михайлова и др. Так, Г.А.Воскресенский, всесторонне изучив свыше ста рукописных евангелий XI—XVI вв., пришел к выводу о существовании нескольких групп-редакций этих текстов; ко второй из них, древнерусской, включающей главным образом рукописи полных евангелий-апракосов, им отнесены МстЕ и ЮЕ. Употребление термина *древнерусская редакция* он мотивирует тем, что «большинство списков этой редакции... написаны на Руси, преимущественно же в Галицко-Волынской и Новгородской» [6]. Значение наблюдений и выводов Г.А.Воскресенского состоит, по мнению Л.П.Жуковской, в том, что они обосновывают существование особого типа евангелия — полного апракоса, сложившегося в Древней Руси.

Подробное изучение композиции и содержания чтений на определенные дни недель церковного года в ЮЕ позволило Л.П.Жуковской в работе [7] сделать вывод о его единичности и даже уникальности. ЮЕ, как известно, относится к типу древних богослужебных евангелий, называемых полными апракосами в отличие от апракосов кратких. Кратким апракосом является ОЕ, а самым известным полным — МстЕ 1117 г. Евангелия-апракосы (от греч. *ἀπρακτός* — недельный) включают евангельские и апостольские чтения, расположенные не по отдельным частям и главам, а в порядке следования церковных чтений, так называемых зачал.

Различие этих двух типов состоит в составе чтений: в полных представлены все евангельские чтения на все дни церковного года от пасхи до пасхи и на все «памяти» месящеслова. Апракос краткий помещает полные тексты евангельских чтений лишь для той части переменного церковного календаря, которая охватывает время от праздника пасхи до праздника пятидесятницы, а для остального времени церковного года помещаются чтения только на субботные и воскресные дни. В месящесловных чтениях кратких апракосов имеются отсылки к чтениям из переменной части церковного года.

Единичность ЮЕ, по мнению Л.П.Жуковской, определяется тем, что оно хотя и относится к типу полных апракосов, как и МстЕ, но не повторяет его. Лингвотипологический анализ древнерусских евангелий позволяет утверждать, что писец ЮЕ не переписал его с более раннего евангелия, апракоса или тетра, а построил по иному принципу: «...оказалось, что Юрьевское ев. хранит в себе многочисленные следы связи не с полными апракосами, а с совсем иным типом евангелия: с четвым его вариантом — тетром. <...> полные апракосы послужили для составителя Юрьевского ев. или его архетипа лишь образцом <...> писец (вернее, редактор) сам выбирал из состава тетра отсутствовавшие в кратком апракосе чтения на дни с понедельника по пятницу в двух циклах чтений от пятидесятницы до поста и расположил их в последовательности полного апракоса» [2, с. 15].

Это подтверждается сопоставлением композиционно-языковых характеристик ЮЕ и МстЕ, свидетельствующих о своеобразии работы писца над его текстом: «Изучение зачальных оборотов в чтениях и принципов перефразировки текста <...>, показывает, что многие чтения Юрв. существенно отличаются от чтений Мст. и других древнейших русских полных апракосов <...>. Во многих местах Юрв. текст тетра передается с буквальной точностью вопреки смыслу отрывков текста и законам синтаксиса славянской речи» [7, с. 57-58]. Приведу несколько примеров из указанной статьи, иллюстрирующие это положение:

1. Чтения в составе полных апракосов начинаются оборотом *въ оно врѣмѧ*, но в ЮЕ писец-составитель, следуя за текстом тетра, сохранял другие обстоятельства из него, совмещая их с зачальным оборотом *въ оно врѣмѧ* вопреки смыслу текста чтения: *Въ оно врѣмѧ* оучащю Иісусу люди в църкви (МстЕ) — *Въ оно время*. И бысть въ юдинъ отъ дънии оучащю Иісоусу люди в церкви (ЮЕ).

2. Только в ЮЕ сохраняются предложения или их части из тетра, служащие для связи отдельных фрагментов, событий, но ненужные в тексте чтения: *Въ оно врѣмѧ. Приде Ис въ въ очьство свое и оучаше народы на съборищихъ* (МстЕ) — *Въ оно врѣмѧ. И бысть югда сконьча Ис притѣхъ сиЖ. Прѣиде отъ тоудѣ. И пришьдъ въ очьство свое оучаше я на съборищихъ ихъ* (ЮЕ).

Распространенность зачальных оборотов, противоречащее смыслу наличие двух временных обстоятельств в зачале, незакономерное употребление в начальных фразах местоимений, сохранение целых предложений или оборотов, которые в четвых евангелиях служат для связи следующих друг за другом разных по содержанию отрывков, нарушающих в апракосах единство чтений — все это по мнению Л.П.Жуковской указывает на обособленность ЮЕ среди других полных апракосов.

Лингво-текстологический анализ текста ЮЕ связан с одной из важнейших проблем палеославистики — проблемой формирования славянского евангельского текста и ответом на вопрос, какими были первые переводы Евангелия — тетром или апракосами (полным или кратким) и какие тенденции перевода

формировались в дальнейшем. Так, текст ЮЕ использован в работе [8] в числе 48 списков Евангелия, анализ которых, как считает автор, дает материал для предварительного решения вопроса о типе Евангелия первоначального славянского перевода, в частности, подтверждает вывод Л.П.Жуковской о вторичности славянского полного апракоса.

Перспективным представляется славистам привлечение текста ЮЕ для лингвистического и текстологического анализа других рукописных евангелий полноапракосного типа. Так, к нему обращается Л.Г.Панин в исследованиях Друцкого Евангелия, которое он относит к памятникам новгородского происхождения на основании анализа диалектных особенностей писцов, переписывавших его текст [9]. Вслед за Л.П.Жуковской, он считает, что только сопоставительное изучение разных по времени создания евангелий и повторяющихся чтений в их составе позволит проследить историю формирования и бытования евангелия у славян.

Исследования ЮЕ как памятника истории русского литературного языка описывают главным образом его графику и орфографию: некоторые ее особенности отмечали И.И.Срезневский (широкое употребление в ЮЕ буквы Ж, даже вместо русского ОУ и А); Г.А.Воскресенский, А.И.Соболевский. Наблюдения Л.П.Жуковской над написаниями ЮЕ в сопоставлении с памятниками того же типа подтверждают его «одинокость»: так, употребление Ю, Ж, ЮЖ, А, архаическое употребление букв, обозначающих редуцированные звуки, отсутствие обозначения этимологической мягкости согласных Л, Н, Р отличают его от других апракосов, в том числе МстЕ [7, с. 45-46].

В современных исследованиях языка ЮЕ подчеркивается его орфографическая консервативность: В.М.Живов отмечает, в частности, написания ЖД, не свойственного русскому произношению в первой половине XII в. «На первых 50 листах этой рукописи ЖД встречается в 64 случаях, Ж — в 25 случаях (28.09%). Менее консервативно Мстиславово евангелие. Выборочные подсчеты <...> дали здесь следующие результаты: ЖД встречается в 63 случаях, Ж — в 136 случаях (68.34%), отражая новую орфографическую норму» [10].

Сопоставление написаний в ЮЕ с другими памятниками того же времени, представленное в [11], ориентировано на целостную подробную характеристику его графико-орфографической системы. Автор анализирует все значимые для древнерусских памятников написания: употребление надстрочных знаков, йотированных букв, юсов; детально описывает все случаи написания редуцированных; отмечает особенности графической передачи предлога-приставки от(ъ)-, обозначение рефлексов *dj. Итоговые выводы статьи вполне согласуются с суждениями других ученых, характеризующих «графико-орфографическую систему рукописи ЮЕ 1119—1128 г. как архаичную, поскольку в ней проявляются почти все черты, свойственные рукописям раннего периода (XI — начало XII в.)» [11, с. 88]. Те же факты, считает М.А.Федорова, ссылаясь при этом на И.И.Срезневского, указывают на связь антиграфа ЮЕ с ранними славянскими переводами евангелия.

Следует отметить, что в научной литературе отсутствуют работы, посвященные описанию грамматических особенностей ЮЕ. Отдельные наблюдения и замечания об употреблении некоторых морфологических форм, об особенностях словообразования в ЮЕ находим у Л.П.Жуковской, отметившей, например, редкую форму образования причастия *къ зъващоуоумоу*, тогда как в МстЕ и других *къ зъвавъшоуоумЖ* [2, с. 99]. Более полное представление можно составить о лексическом составе текстов ЮЕ, чему в немалой степени способствовали материалы «Древле-славяно-греко-русского словаря из Юрьевского Евангелия...», опубликованные архимандритом Амфилохием (см. [3]). Поскольку именно лексическое варьирование в памятниках одного типа служит основанием для их типологического исследования, то в цитированных работах Л.П.Жуковской при описании особенностей словоупотребления в разных славянских евангелиях используются примеры из чтений в том числе и ЮЕ: так, в нем, как и в некоторых других апракосах и тетрах, отмечено славянское название одного из календарных месяцев — *листопадъ* (октябрь), а также замена южнославянского *поль* на древнерусское слово *страна* в обороте *варити* (т.е. предвирать) *на оноу полоу — варити на онъ поль — варити на оноу страну*.

В общую проблематику изучения ЮЕ по-прежнему входит и вопрос о его локализации в пределах Древней Руси. Г.А.Воскресенский считал его новгородским памятником, характеризуя его правописание как русское с особенностями новгородского говора, хотя примеров и не привел; А.И.Соболевский — киевским, написанным в Киеве для новгородского Юрьева монастыря [12]. Л.П.Жуковская, сравнив лексику и формы некоторых слов ЮЕ с аналогичными из других евангелий, выдвинула гипотезу о галицко-волынском происхождении рукописи.

Современные лингвистические исследования оставляют вопрос о месте создания рукописи ЮЕ открытым. Как отмечается, например, в исследованиях его графико-орфографической системы, в его языке, как и в языке многих древнерусских рукописей, нет ярко выраженных фактов, указывающих на диалектную ориентацию его переписчика: так, в нем отсутствуют цоканье и другие новгородские черты, но и киевское происхождение не подтверждается, поскольку написание наречия *къде* с Е, а не Ъ наблюдается как в киевских, так и в галицко-волинских рукописях; в то же время в словах *крышусА*, *кръ|щениѣмъ* и др. нет замены К на Х, как, например, в Галицком евангелии 1144 г. и некоторых других галицко-волинских памятниках.

Отметим, что лингвистический аспект изучения текста ЮЕ получает поддержку в исследовании его художественного оформления: этому вопросу посвящен отдельный раздел в «Текстологии» Л.П.Жуковской, в котором она показывает, что «организация древнего манускрипта художественными средствами тоже может стать объектом текстологического наблюдения <...> Характер заставок, букв и букв может служить основанием

для группировки текстов, для объединения их в типы, т.к. они являются знаками членения текста. Буквицы способствуют установлению территориальной принадлежности текста и создателя текста» [2, с. 353]. Показательно, что исследователи орнаментики ЮЕ Т.В.Ильина, М.А.Орлова, Г.С.Колпакова единодушны в новгородском происхождении ЮЕ.

Необходимо указать на еще один нелингвистический источник сведений для решения вопроса о месте написания ЮЕ и о его переписчике — росписи Георгиевского собора Юрьева монастыря, в частности, росписи лестничной башни. Так, В.Д.Сарабьянов, во-первых, обращает внимание на «книжность», литературность росписей башни: изображенные на ее стенах звери — символы пороков и грехов человека и его же добродетелей, как например, петух и павлин, встречаются в орнаментике ЮЕ. Но, с другой стороны, и декоративные элементы ЮЕ обнаруживают буквальное сходство с рисунками лестничной башни по содержанию и манере исполнения [13]. Для него несомненна связь ЮЕ с Новгородом, более того, он высказывает предположение, что автором росписей и заставок ЮЕ был один и тот же художник — инок Юрьева монастыря, в котором мог существовать монастырский скрипторий, где и было создано ЮЕ. Иными словами, ЮЕ само по себе представляет неисчерпаемый источник не только сведений о письменной культуре Древней Руси, но и о русской культуре в целом.

Таким образом, общая проблематика изучения ЮЕ свидетельствует о том, что его текст изучен явно недостаточно. Как правило, о нем упоминается в работах историков языка и текстологов (за исключением нескольких специальных исследований) в качестве своего рода «фона» для иллюстрации особенностей других рукописных евангелий. Причина такого положения вещей была названа еще Л.П.Жуковской — недоступность для изучения ввиду отсутствия научного издания по типу МстЕ. А между тем доступность ЮЕ для широкого изучения позволила бы получить новые сведения для истории перевода евангельского текста и формирования разных типов евангелия в Древней Руси, поскольку эта работа требует своего продолжения на материале конкретных памятников. Кроме того, как представляется, необходимо полное описание языкового состава ЮЕ — его лексической и грамматической системы, в том числе лексических и грамматических разночтений в самом евангелии. Вполне возможно, что полное описание языковой системы, отразившейся в ЮЕ, позволит выявить диалектную ориентацию писца его рукописи и относительно точно установить место ее создания.

1. Срезневский И. И. Славяно-русская палеография XI—XIV вв. СПб., 1885. С. 147.
2. Жуковская Л.П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М.: Наука, 1976. 367 с.
3. Амфилохий, архимандрит. Описание Юрьевского Евангелия 1118—1128 г. Воскресенской Ново-Иерусалимской библиотеки. Предисловие. М., 1877.
4. Архимандрит Амфилохий. Описание Евангелия, писанного на пергамене в Новгороде для Юрьевского монастыря в 1118—1128 годах // Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. СПб., 1861. Т. X. Вып. I. Стб. 73-78.
5. Амфилохий, архимандрит. Древле-славяно-греко-русский словарь из Юрьевского Евангелия 1118—1128 года, сличенный с Евангелиями 11 в., 12 в. и 1270 г. М., 1877.
6. Воскресенский Г.А. Характеристические черты четырех редакций славянского перевода Евангелия от Марка по сто двенадцати рукописям Евангелия XI—XVI веков. [Электр. ресурс]. М.: Унив. тип., 1896. С. 1, прим. 2. URL: <http://e-heritage.ru/ras/view/publication/general.html?id=42080172> (дата обращения: 23.03.2021).
7. Жуковская Л.П. Юрьевское евангелие в кругу родственных памятников // Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966. С. 44-76.
8. Новикова А.С. Из истории перевода с греческого первой славянской книги // Славянский вестник. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 230-245.
9. Панин Л.Г. О составе чтений и языке Друцкого Евангелия (XIV в.) [Электр. ресурс] // Богословский сб-к. Вып. 2. Новосибирск: Изд-во Новосибирской епархии РПЦ, 2006. С. 54-71. URL: <http://oornm.ru/wp-content/uploads/2017/06/bs-npds-02-06.pdf> (дата обращения: 23.03.2021).
10. Живов В.М. Норма вариативность и орфографические правила в восточнославянском правописании XI—XIII века // Восточнославянское правописание XI—XIII века. М., 2006. С. 15-16.
11. Федорова М.А. Графико-орфографические особенности Юрьевского Евангелия 1119—1128 г. [Электр. ресурс]. URL: <https://docplayer.ru/38706507-Grafiko-orfograficheskie-osobennosti-yurevskogo-evangelija-g-m-a-fedorova.html> (дата обращения: 23.03.2021).
12. Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка // Соболевский А.И. Труды по истории русского языка. М., 2004. Т. I. С. 13.
13. Сарабьянов В.Д. Живопись конца X — середины XI века // История русского искусства. Т. 1: Искусство Киевской Руси. IX — I четверть XII века. М., 2007. С. 200.

References

1. Sreznevskiy I. I. Slavyano-russkaya paleografiya XI—XIV vv [Slavic-Russian paleography of the 11th—14th centuries]. Saint Petersburg, 1885, p. 147.
2. Zhukovskaya L.P. Tekstologiya i yazyk drevneyshikh slavyanskikh pamyatnikov [Textology and language of the oldest Slavic monuments]. Moscow, 1976. 367 p.
3. Amfilokhiy, arkhimandrit. Opisanie Yur'evskogo Evangeliya 1118—1128 g. Voskresenskoy Novo-Ierusalimskoy biblioteki. Predislovie [Description of St. George's Gospel 1118—28 of the Resurrection New Jerusalem Library]. Moscow, 1877.
4. Arkhimandrit Amfilokhiy. Opisanie Evangeliya, pisannogo na pergamene v Novgorode dlya Yur'evskogo monastyrja v 1118—1128 godakh [Description of the Gospel, written on parchment in Novgorod for the Yuriev monastery in 1118—1128]. Izvestiya Imperatorskoy Akademii nauk po Otdeleniyu russkogo yazyka i slovesnosti. Saint Petersburg, 1861. Vol. X, iss. I. Col. 73-78.

5. Amfilokhiy, arhimandrit. Drevle-slavyano-greko-russkiy slovar' iz Yur'evskogo Evangeliya 1118—1128 goda, slichenny s Evangeliyami 11 v., 12 v. i 1270 g. [Ancient Slavonic-Greek-Russian Dictionary of the Gospel of Yuryev 1118-1128, compared with the Gospels of the 11th century, 12th century and 1270]. Moscow, 1877.
6. Voskresenskiy G.A. Kharakteristicheskie cherty chetyrekh redaktsiy slavyanskogo perevoda Evangeliya ot Marka po sto dvenadtsati rukopisyam Evangeliya XI—XVI vekov. [Characteristic features of four editions of the Slavic translation of the Gospel of Mark for one hundred and twelve manuscripts of the Gospel of the XI—XVI centuries]. Moscow, 1896, p. 1, prim. 2. Available at: <http://e-heritage.ru/ras/view/publication/general.html?id=42080172> (accessed: 23.03.2021).
7. Zhukovskaya L.P. Yur'evskoe evangelie v krugu rodstvennykh pamyatnikov [St. George's Gospel among the related monuments]. Issledovaniya istochnikov po istorii russkogo yazyka i pis'mennosti. Moscow, 1966, pp. 44-76.
8. Novikova A.S. Iz istorii perevoda s grecheskogo pervoy slavyanskoy knigi [From the history of the translation of the first Slavic book from Greek]. Slavyanskiy vestnik, iss. 2. Moscow, 2004, pp. 230-245.
9. Panin L.G. O sostave chteniy i yazyke Drutskogo Evangeliya (XIV v.) [On the composition of the readings and the language of the Drutsk Gospel (14th century)]. Bogoslovskiy sb-k, iss. 2. Novosibirsk, 2006, pp. 54-71. Available at: <http://oopnm.ru/wp-content/uploads/2017/06/bs-npds-02-06.pdf> (accessed: 23.03.2021).
10. Zhivov V.M. Norma variativnost' i orfograficheskie pravila v vostochnoslavianskom pravopisanii XI—XIII veka [The norm of variability and spelling rules in the East Slavic spelling of the 11th—13th century]. Vostochnoslavianskoe pravopisanie XI—XIII veka. Moscow, 2006, pp. 15-16.
11. Fedorova M.A. Grafiko-orfograficheskie osobennosti Yur'evskogo Evangeliya 1119—1128 g. [Graphic and spelling features of the Yuryev Gospel of 1119—1128]. Available at: <https://docplayer.ru/38706507-Grafiko-orfograficheskie-osobennosti-yurevskogo-evangeliya-g-m-a-fedorova.html> (accessed: 23.03.2021).
12. Sobolevskiy A.I. Lektsii po istorii russkogo yazyka [Lectures on the history of the Russian language]. Sobolevskiy A.I. Trudy po istorii russkogo yazyka. Moscow, 2004. Vol. I, p. 13.
13. Sarab'yanov V.D. Zhivopis' kontsa Kh — serediny XI veka [Painting of the end of the 10th—middle of the 11th century]. Istoriya russkogo iskusstva, vol. 1: Iskusstvo Kievskoy Rusi. IX — I chetvert' XII veka. Moscow, 2007, p. 200.

Didkovskaya V.G. St. George's Gospel: problems of study. The author of the article summarizes the results of studying the text of one of the oldest monuments of the Old Russian language — the Yuryev Gospel, characterizes the main directions and general problems of research of its text in the works of historians of the Russian language, substantiates the need and new possibilities for its analysis in linguistic and textological aspects. According to the author, the grammatical and lexical systems of this monument need a separate study and detailed description, which will allow us not only to confirm its uniqueness among other ancient Russian gospels, but also to obtain new data for studying the history of linguistic transformations of the evangelical texts in Ancient Russia.

Keywords: Gospel, history of language, linguistic typological method, translation, textology.

Сведения об авторе. Виктория Генриховна Дидковская — доктор филологических наук, профессор кафедры филологии Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого; ORCID: 0000-0002-2825-6409; Pobeda.49@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.03.2021. Принята к публикации 10.05.2021.

Ссылка на эту статью: Дидковская В.Г. Юрьевское Евангелие: проблемы изучения // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 4(37). С. 418-422. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.4(37).418-422

For citation: Didkovskaya V.G. St. George's Gospel: problems of study. *Memoirs of NovSU*, 2021, no. 4(37), pp. 418-422. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.4(37).418-422